

Раздел III
**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX–XXI ВВ.:
ПУТИ РАЗВИТИЯ, КОНТЕКСТЫ ВОСПРИЯТИЯ**

А. Н. Горбунова

Екатеринбург

**«Cogitata et visa»¹: литература и жизнь
в цикле статей А. И. Герцена «Капризы и раздумье»**

Особо продуктивным периодом творческой жизни А. И. Герцена стала первая половина 1840-х гг. В это время он активно ведет дневниковые записи (1842–1846), работает над своим первым романом «Кто виноват?» (1841–1846), создает ряд повестей и цикл статей «Капризы и раздумье». Именно на этот период жизни приходится формирование и поиск новых духовных ориентиров самого Герцена, что связано с биографическими событиями в жизни писателя² и что, безусловно, находит свое отражение в жизни слова. Так, дневник А. И. Герцена становится основной формой личного, духовного творчества автора и его напряженной авторской рефлексии. Дневники и письма запечатлели самые острые моменты в жизни писателя, что придает им черты исповедальности, но в них же сложились многие мотивы последующего художественного и публицистического творчества Герцена. Дневниковый, то есть автопсихологический, характер имеют проза и критические статьи писателя, в которых разворачивается, по выражению С. Булгакова, «духовная биография» Герцена.

Цикл «Капризы и раздумье» представлен тремя статьями. Интонации раздумий заявлены уже в их заглавиях: «По поводу одной драмы» (1842), «По разным поводам» (1845), «Новые вариации на старые темы» (1846). На протяжении

---

¹ «Обдуманное и виденное» (лат.) — выражение, которое использует сам Герцен в данном цикле статей.

² В это время Герцен переживает кризис семейной жизни: слабое здоровье жены, вереница смертей троих новорожденных детей и т. д. Как отмечает Е. К. Созина, в начале 40-х гг. А. И. Герцен делает для себя «три «роковых» открытия», которые пошатнули его мировоззрение. Это открытия «смерти, случая и ужаса материи», иными словами, он в полной мере постигает конечность бытия [3, с. 198].

цикла Герцен с присущей ему тонкостью мышления из области семейных и личных отношений переходит к вопросу о роли личности в обществе и о духовной цельности человека. Принцип автопсихологизма лежит в основе внутренней организации цикла, которая проявляется в системе идейно-философских воззрений писателя.

«Капризы и раздумье» насыщены важными для автора концептами: *«здравый смысл», судьба, логика* — и свидетельствуют об осознании Герценом собственного развития в новом русле — в русле реализма. Через призму литературы автор размышляет о собственной жизни. Основным механизмом постижения жизни становится переживание увиденного, а литературное пространство текста — областью рефлексии, осмысления пережитого. Отсюда близость статей Герцена как к его художественно-документальным жанрам — письмам и дневникам, так и к чисто художественным — повестям и роману.

Показательной в данном контексте является первая статья цикла «По поводу одной драмы». Статью Герцен начинает с рассуждений о незримом присутствии «безотходного духа критики» [1, т. 2, с. 50], а далее переходит к размышлениям о театре как материально выраженной форме человеческого образа мысли или отражении *«grübeln»*, посредством которых дает развернутое описание своих жизненных воззрений. Искусство, как его понимает Герцен, возвышается над жизнью, реконструирует ее, но и рождает новые, подчас более трудные, переживания: «Вместо того, чтоб отдохнуть от действительной жизни, глядя на воспроизведенную искусством, мы выходим из театра задавленные мыслями, тяжелыми и неловкими» [1, т. 2, с. 50–51]. В статье сталкивается конкретное событие из жизни автора — театральное представление, которое он наблюдал в реальное время³, — и его рефлексия: «Все это бессвязно, так, как я рассказал, пришло мне в голову при выходе из театра, когда я думал о пьесе, которую я видел» [1, т. 2, с. 53]. По мысли Герцена, искусство и жизнь находятся в непосредственной связи друг с другом: «...драма самая простая; если вы не видали подобной у себя в доме, то наверное могли видеть у которого-нибудь из соседей» [1, т. 2, с. 53], «...это обсуживание приводит к заключениям не отвлеченным, но трепещущим жизнью, неотразимым и многосторонним» [1, т. 2, с. 51].

В основе сюжета пьесы лежит любовный треугольник: отношения между юношей Эмилем, его женой Генриетой и девушкой Полиной, в которую он влюбляется, будучи в браке. Сам Герцен увидел в этой пьесе отражение своих вятских событий и переживаний: в Вятке между ним и Полиной Медведевой завязался страстный роман, но сам Герцен быстро охладел к своей избраннице. В скором времени у Медведевой умирает муж, однако со стороны Герцена инициатива, желаемая бывшей возлюбленной, проявлена не была: «Я видел, что она еще не удовлетворяет тому требованию, которое я делаю существу, с коим я мог бы слить

---

³ Пьеса О. Арну и Н. Фурнье «Преступление, или Восемь лет старше», переведенная С. П. Соловьевым и поставленная в бенефис И. В. Самариным 11 сентября 1842 г.

свою жизнь» [1, т. 21, с. 54]⁴ — так он объяснял эту ситуацию в письме Н. А. Захарьиной. Именно в Захарьиной Герцен нашел путь к очищению, искуплению своего греха.

Увиденный спектакль вызывает у Герцена вереницу раздумий за счет элемента узнавания: отождествления личности самого писателя с главным героем пьесы. Именно поэтому стороннюю характеристику главного героя (разговор после спектакля с «человеком кресел под № 39» [1, т. 2, с. 56]) Герцен воспринимает как личное оскорбление: «Какой он несчастный! Бесхарактерный эгоист, не умел ни отказаться вовремя от нее, ни любить после, ни победить новой страсти» [1, т. 2, с. 56] — и как человек, переживший эту драму в жизни, знает ее истинную ценность:

Кто бывал искушаем, падал и воскресал, найдя в себе силу хранительную, кто одолел хоть раз истинно распахнувшуюся страсть, тот не будет жесток в приговоре: он помнит, чего ему стоила победа, как он, изможенный, сломанный, с изорванным и окровавленным сердцем, вышел из борьбы; он знает цену, которою покупаются победы над увлечениями и страстями [1, т. 2, с. 57].

Отсюда также следует пристальное авторское внимание к персонажам пьесы. Сопоставляя реальных людей (в частности, самого себя) с героями представления, Герцен стирает границу между реальным миром и миром искусства. Таким образом, мотив театра как «высшей инстанции для решения жизненных вопросов» [1, т. 2, с. 51] становится главным структурообразующим элементом в цикле статей: будучи заявленным с самого начала, он актуализирует комплекс концептов, содержание которых раскрывается на протяжении всего цикла.

В своих рассуждениях Герцен выделяет две составляющие бытия человека — сердце и разум: «Его (Эмиля. — А. Г.) бытие раскололось надвое, где с одной стороны долг и ум, а с другой — сердце, кипящее страстями» [1, т. 2, с. 58]. Драма героев пьесы состоит в том, что они, по большому счету, «подчинены сердцу», то есть замкнуты на своей частной жизни. Эмиль не может примирить сердце с долгом, Генриетта, испытывающая страсть к своему мужу, не может справиться с ненавистью к сопернице. Но, по мысли Герцена, виновных в несчастье друг друга найти невозможно: «...есть одна вина, за которую их нельзя отдать под суд, но которая была причиною всех бедствий, причиной скрытой, неизвестной им» [1, т. 2, с. 59]. Подчинить страсти сердца разуму невозможно, сам Герцен назовет это «тождеством противоположностей» [1, т. 2, с. 60].

В статье «По разным поводам» писатель представляет читателю богатую галерею «противоположностей»: расточительность и скупость, совершеннолетие и юношество — качества и состояния, которые можно обнаружить в любом человеке. Так, к примеру, Герцен пишет: «Есть люди, совершенно не способные быть совершеннолетними, так, как есть люди, не способные быть юными» [1, т. 2,

---

⁴ Также этот сюжет найдет свое отражение в романе А. И. Герцена «Кто виноват» (1842), а позже, в 50-е гг., возникнет в жизни самого писателя.

с. 83], и невозможность примирения этих двух начал объяснима, поскольку механизм, как и в случае с героями пьесы, один:

Не отвергнуть влечений сердца, не отречься от своей индивидуальности и всего частного, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему человеческому, страдать и наслаждаться страданиями и наслаждениями современности, работать столько же для рода, сколько для себя, словом, *развить эгоистическое сердце во всех скорбящее, обобщить его разумом и в свою очередь оживить им разум* [1, т. 2, с. 63–64] (курсив наш. — А. Г.).

Борьба Герцена за расцвет человеческой личности восходит к мысли о роли личности в обществе, которая в письмах 30-х гг. и дневниках представлялась ему в виде оппозиции толпы и индивидуальности. По словам Л. Я. Гинзбург, Герцен хотел гармонически согласовать интересы личности с требованиями общества, сохранив притом равновесие и равновесие обоих начал: «В самом колебании между двумя мирами — личности и всеобщего — есть непреодолимая прелесть; человек чувствует себя живую, сознательную связь этих миров...» [1, т. 2, с. 64]. Этой теорией двух миров — равноправных и раздельных, хотя и ищущих соединения, — Герцен открыл «свою систему о чистой личности, которая вступает во взаимодействие с обществом, как бы независимо от личностей пребывающим» [2, с. 29]. Отсюда следует определение человека, данное Герценом в статье «Новые вариации на новые темы»:

Быть человеком в человеческом обществе — вовсе не тяжкая обязанность, а простое развитие внутренней потребности. <...> Человек, дошедший до сознания своего достоинства, поступает человечески потому, что ему так поступать естественнее... он делает свое дело, он не может иначе поступать, так, как роза не может иначе пахнуть [1, т. 2, с. 94].

Таким образом, анализ цикла литературно-критических статей Герцена еще раз показывает неотделимость в его творчестве жизни от литературы. Личностные проблемы неизменно притягивают авторскую рефлексию, что способствует наращиванию смыслов и влечет за собой порождение текста. Иными словами, происходит корреляция жизненных и текстовых ситуаций. Для Герцена литература — прямой путь к осмыслению жизни в целом. Знаковое событие жизни получает свое отражение в произведении и уже в тексте функционирует как мотив, то есть биографическое обретает литературно-художественное бытие. Мотив тесно сопряжен с темой, которой соответствует та или иная проблема в жизни автора. Определяющей становится категория переживания, которая, в свою очередь, образует различные виды единства и позволяет нам говорить об автопсихологическом начале в публицистических работах А. И. Герцена.

Литература

1. Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 2. М., 1954; Т. 21. 1961.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М., 1999.
3. Созина Е. К. Сознание как письмо в русской литературе : моногр. Екатеринбург, 2001.